

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

## СУДЬБА “РУССКОГО РУБЕНСА”

*140 лет со дня рождения Бориса Михайловича Кустодиева*

Трагична история России. Трагичны судьбы многих великих русских художников, поэтов, писателей. “Серебряный век” русской культуры – этот удивительный взлёт русского искусства, случившейся в начале XX века, во многом был сломан, искорёжен, потоплен в крови страшными событиями гражданской междоусобицы столетней давности. И всё же, вспоминая этот феноменальный взлёт нашей отечественной культуры, не перестаёшь удивляться многокрасочности и необыкновенному жизнелюбию тогдашнего искусства. Словно прорвалась какая-то плотина, и на полотна художников той поры вылилась яркая, телесная, плотская жизнь человека, вместе с тем неотделимая и от духовной составляющей. Дух и плоть – это всегда были словно два полюса в живописи. Как совместить их? Борис Михайлович Кустодиев решил эту задачу – он пошёл от народной жизни России, от праздника, от Масленицы, от народных гуляний. Он позволил вылиться на свои полотна той пестроты, бестолковости, красочности, которые наполняли собой простую русскую провинциальную жизнь. Его обвиняли в лубочности, даже в пошлости, а он не боялся этих обвинений, он словно чуял народный русский дух, он был художником полноты жизни, он воспел бесшабашную красоту России, которую, как известно, “умом не понять”, а Кустодиев понял сердцем.

Борис Кустодиев родился в купеческой Астрахани, городе, лежащем между Европой и Азией, городе русском и в то же время восточном, где так причудливо сошлись и переплелись стихии разных культур, где на базарах шумела разноязыкая и многоплеменная толпа. Он с детства видел русского мужичка, пришедшего на рыбные промыслы низовий Волги, и персидского купца, привезшего из-за моря Каспийского цветастые ковры Исфахана. Он гулял среди чиновной публики по набережным Волги и видел широкие заголы богатых купцов, их колоритных жён, важных, дородных купчих в шёлковых платьях, он восхищался необузданной роскошью и какой-то наивной детскостью в поведении этих нуворишей пореформенной России. Как художник Борис Кустодиев словно стал “русским Рубенсом”, прославившим некогда страстную плоть голландских красавиц, а Кустодиев, не страшась ничего, воспел чувственную красоту “русских венер”.

Между тем, он был выходцем из образованной интеллигентной семьи профессора духовного училища. Его отец, Михаил Лукич Кустодиев, преподавал там философию, историю, литературу. К несчастью, он рано умер, оставив на руках у вдовы четверых детей. Однако семья получала пенсию за потерю кормильца, и пенсия эта превышала профессорский оклад рано умершего отца семейства. Любопытная деталь: точно такая же ситуация сложилась

и в семье Михаила Афанасьевича Булгакова, воспитывавшегося (как и все его братья и сёстры) на пенсию за потерю отца, который также был профессором духовных наук. Но у Кустодиева потеря отца, возможно, изменила и судьбу его самого. Изначала он был определён отцом по духовной части, должен был поступить в семинарию, возможно, стать священником. Ничего этого не случилось, мальчик увлёкся живописью, а тут ещё в Астрахани появился талантливый и грамотный художник из Санкт-Петербурга – Павел Алексеевич Власов, выпускник Императорской академии художеств. Он преподавал живопись в местной гимназии, а потом организовал художественный кружок, первым учеником которого стал юный Борис Кустодиев.

Много случайностей вело по жизни молодого художника. Он хотел поступить в знаменитое Московское училище живописи, ваяния и зодчества, но его ученические работы нашли излишне лубочными, дилетантскими и в училище не приняли. Казалось, путь в искусство был ему закрыт. Но истинный талант всегда найдёт себе дорогу. Провинциальный живописец отправляется прямо в столичный Санкт-Петербург, в Академию художеств. И что же вы думаете? Его принимает в свою мастерскую Василий Евмениевич Савинский – известный портретист. Видно, он отметил удивительную наблюдательность молодого рисовальщика, его умение подмечать и запоминать малейшие чёрточки лица человека, раскрывать в портрете неповторимые индивидуальные характеристики натурщика. Если мы возьмём позднейшие портретные работы Бориса Кустодиева, то, конечно, увидим полную силу этого умения, глубокий психологизм портрета, где за внешними чертами лица проглядывает душа и становится ясен внутренний мир портретируемого, его менталитет, как сказали бы мы на современном убогом языке начала XXI века. Таковы выдающиеся портреты певца Шаляпина, поэта Волошина и, наконец, знаменитый портрет императора Николая II кисти Бориса Кустодиева.

Развитию дара портретиста у Кустодиева способствовало и его знакомство и совместная работа с прославленным Ильёй Ефимовичем Репиным, в класс которого Борис Кустодиев перешёл на втором курсе Академии. Репин стал для Кустодиева главным учителем на всю жизнь, но в творчестве Кустодиева причудливый образом переплелись разные стили и приёмы живописи, он всегда был в поиске, никогда не был удовлетворён собственными произведениями. Он искал в искусстве новое – это была характерная черта искусства Серебряного века: вечный поиск и неудовлетворённость. Вот почему картины Кустодиева относят то к реализму, то к модерну, то к импрессионизму, а то и к народному лубку. Но твёрдые основы мастерства у Кустодиева были заложены, конечно, в мастерской Репина. Важнейшее значение имеет его совместная с Репиным работа над гигантским полотном “Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года”. Работа эта была заказана императором Репину к 100-летию создания Госсовета, но Илья Ефимович просто физически был не в силах написать столь огромное полотно и взял в работу учеников. Борис Кустодиев был первым среди них.

Предстояло создать полотно размером почти 4 на 9 метров, изобразить 81 персонажа во главе с самим монархом. Во время самого заседания Репин фотографировал сей торжественный акт, а после вызывал действующих лиц на этюды. С кем только не познакомился здесь ученик Репина Борис Кустодиев! Здесь были убелённые сединами сенаторы империи, действительные тайные советники, великие князья, военачальники, флотоводцы, министры – весь цвет монархии. И полотно получилось грандиозным, торжественным, как... могильная плита. При взгляде на уникальное произведение не оставляет мысль, что это – лебединая песнь самодержавия, колоссальное и помпезное надгробие над 300-летней империей Романовых. Ни одного молодого лица, всё – маститые старцы, тяжёлые, грузные вельможи. Закоснелость в лицах, неповоротливость огромной государственной машины. Невольно вспоминаются строки Мандельштама:

*Чудовищна, — как броненосец в доке, —  
Россия отдыхает тяжело...*

Но ведь Борис Кустодиев любил другую Россию, страну простого народа. Недаром его так тянуло на ярмарку, на базар, на набережные Волги, где гуляет разномастный народ, где нет места помпезности и чванству. Недаром

его влекло в российскую глубинку, и лучшие свои работы он создал именно там — на русском Севере, в костромских заводских местах. Его знаменитая картина “Ярмарка”, где так много самых простонародных типов, где бедность просвечивает из каждого угла, но это бедность достойная, сдержанная, с грустной улыбкой, а иногда и с показным балагурством. Надо всем этим русским миром — серое небо да покосившиеся кресты церквей...

*Россия, нищая Россия,  
Мне избы серые твои,  
Твои мне песни ветровые,  
Как слёзы первые любви...*

Александр Блок ведь тоже был одним из ярчайших светил Серебряного века и мог понять и принять Россию такой.

Две России... Но художник Кустодиев не был бы самим собой, если бы не видел ярких красок во всём. Он был художник колорита, как Рубенс, и этот колорит, это буйство красок плоти заставляло его даже гиперболизировать образы русских красавиц. Он хотел показать красоту обнажённого женского тела — ему было мало одной правильности форм, ему нужна была раблезианская роскошь плоти, — и он пишет серию картин с обнажёнными натурщицами, где преувеличивает пышность форм своих моделей, делает это намеренно и, может быть, таким образом уходит от заурядной эротики, от половых инстинктов. Его обнажённые красавицы, эти “русские вены”, которых он рисовал и в бане, и в постели, и на берегу Волги, и на купании, — они словно часть природы, которая сама по себе не может быть порочна. Его обнажённые красавицы не несут в себе соблазна, разврата — они воплощение чувственно-го плодородия, они словно освещены духом любви, недаром на этих полотнах почти всегда на заднем плане силуэты церквей, освещённых солнцем, и нет противоречия между любовью земной и любовью небесной. Так Борис Кустодиев нашёл синтез духа и тела, примирил грешную плоть и высоту духа...

Он был настоящим русским живописцем. После окончания Академии художеств с золотой медалью Кустодиев совершил путешествие по Европе, побывав во Франции, в Испании и в Италии. Что осталось от этих путешествий в его творчестве? Да практически ничего. Несколько этюдов. Запад ничего ему не мог дать, хотя некоторые приёмы импрессионизма он почерпнул там, но переосмыслил их на свой, русский лад.

Во время первой русской революции 1905–1907 годов он отдал дань оппозиционным настроениям, сотрудничал в уличных дешёвых журналах “Жупел”, “Адская почта” (одно название чего стоит!), иных агитаторских листках. Рисовал шаржи на царских чиновников, на “сатрапов”, так сказать, старого режима. Но быстро отошёл от этого. Он был истинным художником, то есть искателем и создателем красоты, а не убогим политиканом и бумагомараккой. Его влекло искусство, и потому он стал одним из основателей знаменитого объединения художников “Мир искусства”, объединения, которое сознательно отошло от “прозы жизни”, провозгласив стремление к “чистому искусству”. “Мирискусников” (так называли художников этого направления) “прогрессивные” деятели того времени обвиняли в аполитичности, в соглашательстве с “преступным царским режимом”, в проповеди декаданса, а на самом деле эти живописцы были фантазёрами и не отрицали достижения классической живописи, но вносили в искусство элемент игры, театральности, своеобразный вычурный колорит. К этому стремился и Кустодиев, но он был гораздо глубже и вдумчивее многих своих собратьев.

С 1909 года Борис Михайлович Кустодиев был тяжело болен страшной болезнью — раком позвоночника. Постепенно отнимались ноги, вся нижняя половина тела. Он лечился, ездил в Германию на операции, но ничто не помогало. Болезнь приковала его к инвалидной коляске, и если бы не самоотверженные заботы его жены Юлии Евстафьевны, урождённой Прошинской, с которой он познакомился, будучи на этюдах в Костромской губернии, то он не смог бы продолжать свою творческую работу. Время патриотического подъёма, охватившего русское общество с началом войны с Германией, вылилось у Кустодиева в знаменитый портрет императора Николая Александровича работы 1915 года. Это замечательное во всех смыслах произведение, так как нигде более государь император не предстал именно как русский

национальный лидер. Царь изображён Кустодиевым в русской красной рубашке-косоворотке с орденами во всю грудь и на фоне Московского Кремля. Над Кремлём развевается золотой императорский штандарт (его художник изобразил в преувеличенном размере), украшенный двуглавым державным орлом. Весь облик царя очень русский, положительный и оптимистичный. Это лидер страны, которая чувствует свою силу, которая побеждает. А ведь 1915 год был тяжёлым, русская армия терпела поражения, а Кустодиеву мнилось другое... Прошло меньше двух лет, и всё пошло прахом. Художник оказался плохим провидцем? Дело не в этом. Смысл этого полотна гораздо глубже. Кустодиев нащупал здесь парадигму самостояния России: **Россией должен править национально ориентированный лидер** – в этом залог могущества нашей страны. Таким именно русским государем и изображён на портрете Кустодиева император Николай Александрович. Но, к сожалению, это была только мечта русского художника.

А теперь обратимся к другому произведению Бориса Кустодиева, уже послереволюционного периода. Это знаменитая картина “Большевик” 1920 года, которая во времена СССР воспроизводилась в каждом школьном учебнике. Огромный русский человек в мохнатой шапке, в рабочем полушубке, повязанном широким шарфом, в штанах, заправленных в грубые сапоги, шагает по городу. Перед ним здание церкви, которая меньше него по высоте. Над головой этого великана вьётся красное знамя, которое словно волной охватывает весь город, захваченный сплошной людской толпой. Это символ революции, но это именно символ **русской революции**, живое воплощение воли русского народа. За этой огромной фигурой “большевика” чувствуется настоящая державная мощь пробудившегося народа. Станным образом обе эти столь различные картины работают на одну мысль – **Россия должна быть сильной**. Кто бы ни стоял во главе страны – русский царь или русский большевик, Россия должна быть сильной, в ней таится огромная потенциальная мощь. Может быть, в этом гениальном прозрении русского художника живёт надежда на будущее сочетание двух различных исторических сил, борющихся в России, – власти и народа. Можно обвинять художника в идеализме, даже в наивности, но ведь признаемся: **другого пути у России нет**. И гениальный русский живописец Борис Кустодиев, “русский Рубенс”, певец красоты и радости русской жизни, именно он наиболее ярко выразил эту мысль.

Он прожил недолгую жизнь. Тяжёлая болезнь доконала художника в 1927 году. Кустодиев скончался в маленькой тесной полутёмной квартире в Ленинграде, бывшем Санкт-Петербурге, столице Серебряного века русской культуры. До конца жизни он работал над новыми произведениями, перед смертью писал триптих “Радость труда и творчества”...